

А

Дмитрий Сергеевич Мережковский
Смерть богов. Юлиан Отступник
М.: Худож. лит., 1993

О Д. С. МЕРЕЖКОВСКОМ И ЕГО РОМАНЕ "ЮЛИАН ОТСТУПНИК"

Популярность у массового читателя - явление в среде писателей-символистов крайне редкое. Какой бы эстетической декларацией ни был верен адепт символизма - будь то утверждение, что художник "самовластен" и обращается лишь к читателю "с чуткой душой и тонко развитой организацией" (В. Брюсов), или заявленное стремление к "большому всенародному искусству" (Вяч. Иванов), - объективно произведения, созданные в рамках этого направления, оставались все же "литературой для немногих", известной лишь узкому кругу почитателей. Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) - писатель, сумевший соединить в своей творческой личности две чрезвычайно редко сочетаемые роли: мэтра элитарной школы и знаменитого писателя. Он вошел в литературу как один из родоначальников русского символизма, давший своим поэтическим сборником "Символы" имя новому направлению, и в то же время он стал одним из самых читаемых и даже модных писателей своего времени. Его произведения, в особенности исторические романы, выдержали множество прижизненных изданий, а его собрание сочинений за короткий срок было издано в России дважды - в 17 томах (изд. Вольфа, 1912 г.) и в 24 томах (изд. Сытина, 1914 г.). По степени популярности среди символистов с ним можно было сравнить, пожалуй, только Федора Сологуба, чье собрание сочинений также выдержало одновременно два издания.

Но едва ли не большую популярность Мережковский завоевал в Европе, - и здесь, видимо, с ним не может соперничать ни один из символистов. Известный критик А. Амфитеатров утверждал даже, что исторические романы Мережковского нашли себе высокую оценку "сперва в Европе, а уже потом - в России". Достаточно сказать, что только "Юлиан Отступник" в течение 10 лет был переиздан во Франции 23 раза! Сетую на некоторую отчужденность Мережковского в русской литературной среде, Андрей Белый грустно писал: "О нем говорит Европа, им восхищается Ферстер-Ницше, видевшая страдания своего великого брата. А мы его читаем и говорим: Мережковский опять написал о Достоевском.

Да".

Несмотря на несомненный читательский успех, наиболее важные и дорогие для писателя произведения пробивались в свет с неизменными трудностями. В автобиографической заметке (1914) Мережковский печально констатировал: "Вообще в русской литературе встречали меня недоброжелательно, и недоброжелательство это до сих пор продолжается. Я мог бы справить 25-летний юбилей критических гонений безжалостных". "Юлиан Отступник" (первоначально называвшийся "Отверженный"), начатый в 1891 и законченный в 1894 году - один из первых в этом ряду отвергаемых, притесняемых цензурой или конфискованных полицией сочинений Мережковского. По воспоминаниям жены писателя, З. Н. Гиппиус, "когда "Юлиан Отступник" был кончен, приюта ему не оказалось ни в одном русском журнале". Лишь в 1895 году роман удалось напечатать в журнале "Северный вестник", который к этому времени открыл свои страницы авторам нового направления, начинающим писателям-символистам. Но и здесь "Юлиан Отступник" был принят далеко не безоговорочно. З. Н. Гиппиус с возмущением вспоминает, как бесцеремонно обошелся с авторским текстом один из руководителей журнала, критик А. Л. Волынский: "Он пришел к нам с рукописью, которую брал читать, и почти грубо (может быть, он просто держать себя не умел?) указывал на отмеченные куски: "Это - вон! Вот это тоже вон!" Чем он свои "вон" мотивировал - совершенно не помню.

В результате роман "Юлиан Отступник", первый в трилогии, появился в "Сев. вестнике" в урезанном и местами в искаженном виде".

Но раз найдя дорогу в свет, романы Мережковского оказывались интересны читателям самых разных культурных слоев. Идеи и "словечки" Мережковского подхватывались и собратьями по символистской школе ("двойная бездна", "святая плоть", "новое религиозное сознание" и т. д.), и газетчиками. Можно оспаривать действительную глубину статьи Мережковского "Грядущий Хам", но найденное им хлесткое заглавие дало имя опаснейшему и реальному социальному явлению и зажило самостоятельной жизнью, будучи с тем или иным оценочным знаком растиражировано журналистами всех лагерей на многие десятилетия.

История культуры знает немало случаев, когда оглушительно популярный у современников автор для потомков отступает в тень, теряет обаяние и остроту и в конце концов становится достоянием немногих любителей или историков литературы, - достаточно вспомнить имена Бестужева-Марлинского, Бенедиктова или такого старшего современника Мережковского, как Надсон. Однако утрата популярности Мережковского произошла совсем не потому, что ему нечего было дать новым поколениям читателей. Как и десятки других его современников, не принявших Октябрьского переворота, он был насильственно отторгнут от русского читателя. Его произведения не переиздавались, само имя писателя